

ГОЛОС ПЕВЦА

Когда группа отщепенцев выступила в Праге с так называемой «хартией-77», передовые деятели культуры и искусства Чехословакии публично осудили антисоциалистическую провокацию. Свою подпись под всенародным манифестом поставил и известный чехословацкий певец Карел Готт. Буквально на следующий день западногерманская печать потребовала отменить предстоящие гастроли К. Готта в ФРГ «по политическим причинам». Но возмущение общественности столь наглой выходкой по отношению к певцу, награжденному в ФРГ золотой медалью «За развитие чехословацко-германской дружбы», заставило организаторов скандала отступить.

Недавно Карелу Готту было присвоено звание заслуженного артиста ЧССР за выдающиеся достижения в области популярной музыки. Мы попросили его ответить на вопросы «Советской культуры».

— Для меня это звание означает очень многое. Но думаю, что еще больше оно значит для всей нашей популярной музыки, для всех исполнителей «легкого» жанра, самостоятельность которого до последнего времени была предметом споров. Я рад, что мне оказана высокая честь, но, видимо, вы меня поймете, гораздо важнее не то, что удостоился ее Карел Готт, а то, что я — представитель этого самого «легкого» жанра. А это уже заслуга прежде всего моих коллег. Пятнадцать — восемнадцать лет назад, когда я только начинал петь, эстрадный певец исполнял одну-две песни в течение нескольких лет. А теперь? Певец, который хочет профессионально работать, должен прежде всего создать оркестр, собрать вместе авторов музыки и текста, привыкнуть к ощущению, что существует коллектив, связанный с ним творчески. Что он должен от вечера к вечеру выходить на сцену, что должен часто менять программу, быть профессионально подготовленным, следить за всем новым, что появляется в мире в его жанре, искать свои решения и уметь находить свою публику. Эстрадный певец сегодня и несколько лет назад — это две различные профессии. На всю жизнь я запомнил моего профессора по консерватории Каренина. Он говорил: «Не знаю, по какой причине певец популярной музыки не может иметь права на классическое музыкальное образование?» Это были слова, которые определили мою судьбу.

«СК»: Вы многократный лауреат международных фестивалей...

К. Готт: ...но ничто не продолжается вечно. И я однажды остановлюсь, потому что не хочу до шестидесяти лет странствовать по эстрадам, где еще собираются старики, помнящие меня. Как только почувствую, что пробил мой час, скажу однажды после концерта: «Это был хороший вечер, он был моим последним вечером, потому что каждому артисту следует вовремя остановиться». Надеюсь, что найду в себе силы и вправду так поступить.

«СК»: А что вас навело на эту мысль?

К. Готт: В одной старой восточной сказке говорится об умирающем коне. Лежит он на лугу, высохший, немощный, и глазами разговаривает с всадником. «Слышишь, всадник, — говорит конь, — был я хорошим скакуном, помог выиграть много битв, не было лучше коня. Только однажды поскользнулась и моя нога...» И это чувство мне знакомо. Страх, что мне изменит голос, что во время концерта сорвусь, тревожит сердце. Это не боязню не понравиться публике, а опасение ее разочаровать. Пять лет назад во время концерта в Праге у меня пропал голос. Был немного простужен, но думал, что справлюсь. Это мне не удалось. Попросил у зрителей извинения и попытался закончить концерт, напрягаясь через силу. Что, вы думаете, произошло? Люди охладели, начали шуметь... Вот откуда мое беспокойство, я всегда в напряжении, в волнении, все время опасаясь, чтобы не случилось ничего неожиданного...

«СК»: Как вас принимают за рубежом?

К. Готт: Очень показательным оказалось нынешнее весеннее турне по ФРГ, Бельгии и Люксембургу. Оно проходило при особых обстоятельствах. Правая часть западной прессы яростно напала на меня за то, что я выступил в поддержку политики нашей партии и правительства. Но, несмотря на это, пришло на концерты, к удивлению, больше

людей, чем обычно. И пришли они не за тем, чтобы освистать меня, а чтобы аплодировать. Принесли цветы, которые я не мог унести без помощи добровольных помощников, а овации были столь демонстративны, словно люди хотели показать, что сами умеют думать и делать выводы. Зрители дали ясный ответ на вопрос: возмущены они или, наоборот, симпатизируют моему убеждению остаться верным родине.

«СК»: Трудно ли вообще добиться международного признания?

К. Готт: Когда в Прагу или Братиславу приезжает, к примеру, француз, он вытаскивает из кармана бумажку, читает «Добрый вечер» и начинает петь по-французски. И никто не удивляется, потому что это мировой язык. Участь певца маленькой страны, который хочет быть понятным за границей, намного сложнее (это не жалоба, а лишь констатация факта). Я должен в Польше говорить по-польски и спеть хотя бы несколько польских песен на польском языке. В Советском Союзе я говорю и пою по-русски, в ГДР и ФРГ пою и говорю по-немецки, в Италии — по-итальянски... Я не назвал еще весь англо-американский регион... Весьма поучительными были для меня слова одного серьезного продюсера, который несколько лет назад предлагал мне сделать карьеру в США. «Я подпишу с вами контракт, — сказал он, — но пять лет вы должны будете не высовывать из Америки носа. Будете там жить и делать то, что мы хотим. Каждый день бывать среди публики, чтобы познакомиться с людьми и говорить на нашем языке. Пока не избавитесь от иностранного акцента — шансов никаких». Этот американский менеджер затем добавил: «Я должен вас перевоспитать. Вы слишком невзрачны и скромны, а обязаны стать дерзким и самоуверенным, чтобы чувствовалось ваше превосходство над толпой. Вы должны научиться играть с публикой, как кошка с мышью. Оставляйтесь, и я вас этому научу». «Спасибо, — ответил я ему, — благодарю за предложение, но я лучше все-таки останусь на родине».

«СК»: Как вы представляете свое будущее как певца?

К. Готт: Для меня очень важно чувство, что я нужен людям, поскольку мое пение приносит им радость. А потом потребность не оставаться одному. Пока пою, ощущаю близость многих людей. Рядом со мной оркестр, коллеги и среди них — мои самые верные друзья.

«СК»: А что для вас самое главное в жизни?

К. Готт: Сознание, что в жизни я был не только хорошим певцом, но и честным человеком, который мог каждый вечер засыпать с чистой душой. Такую визитку, ясно читаемую и неизменную, я хотел бы иметь. Не забываю тех, кто помог мне в моих начинаниях: посоветовали или просто верили, когда я только искал свой путь. И если думаю в эти дни о всех своих друзьях, оставивших след в моей жизни, то мыслями обращаюсь к Москве: я никогда не забуду, что в первые годы работы, когда многие думали, что я не стану певцом, советские люди встречали меня аплодисментами. Их поддержка и любовь утвердили меня в том, к чему я стремился. И свою радость я по праву разделяю с вами, дорогие друзья... Что меня ожидает в будущем? Видимо, долг, который я обязан заплатить всем. Пусть ушли годы, ушли родители — их не вернешь. Но детям!.. И я чувствую, что должен стать кому-то бескорыстным другом, советчиком и опорой, чтобы достойно завершить вечный круговорот жизни.

Интервью вели
Иржи ЯНОУШЕК,
Борис КОЗЛОВ.